

18+

МИХАИЛ ЧЕПУРНОВ

**НЕ БЕЙ
В БУБЕН.
ЧАСТЬ 2.
СОРВИГОЛОВА**

Михаил Чепурнов

**Не бей в бубен. Часть
2. Сорвиголова**

«Издательские решения»

Чепурнов М.

Не бей в бубен. Часть 2. Сорвиголова / М. Чепурнов —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Продолжение произведения, которое начинается
в наше время, но постоянно «ныряет» в прошлое и балансирует на стыке
жанров — фэнтези, криминал, фантастика, где исторические мифы
и реальные истории создают своеобразный конгломерат из выдуманных
и реальных историй.Книга содержит нецензурную брань.

© Чепурнов М.

© Издательские решения

Не бей в бубен. Часть 2. Сорвиголова

Михаил Чепурнов

© Михаил Чепурнов, 2026

ISBN 978-5-0071-4034-8 (т. 2)

ISBN 978-5-0071-3437-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не бей в бубен. Часть вторая. Сорвиголова.

1

— На следующей сходите?

— С ума сходят, парень. Из троллейбуса выходят. Головы бы вам всем поотрывать. Понаехали...

Сшедши с троллейбуса и закинув поудобнее через плечо грязноватый объёмный баул, в котором лежал кое-как скомканный, ненавистный «кормилец», главный герой детских праздников этого сезона - ростовой костюм Лабубу, Василий вышел из 17-го троллейбуса, когда уже окончательно стемнело. За остановкой кто-то стоял, и проходя мимо Василий почувствовал, что этот кто-то бесшумно последовал за ним. Быстро дойдя до угла дома, обернулся: за ним торопливо шло волосатое, полтораметровое существо, на неестественно длинных ногах, с длинными мощными руками, чем-то тоже похожее на ростовую куклу, но очевидно живое, покрытое светло-серой шерстью; почувствовав на себе человеческий взгляд, существо остановилось и понюхало воздух. «Давненько я в Москве не был» - подумал Василий и решив не испытывать судьбу любопытством, как можно быстрее и тише переместился к подъезду и нажав записанный в телефоне код домофона был как никогда обрадован тем, что всё сработало с первого раза и он оказался внутри, тут же рванув на себя дверь изнутри. Поднявшись на нужный этаж, Василий спустился на площадку между этажами, перевёл дух и попробовал успокоиться; сердце всё-таки заметно билось, руки подрагивали. Василий прислушался: в квартирах было тихо, сквозь открытую форточку лестничной площадки гудела нитритовая лампа в уличном фонаре; он подошёл сбоку к окну и украдкой посмотрел вниз — прямо на него с улицы смотрело человекообразное существо. Гадкое и глубокое ощущение тревоги и тоски сдавило кишечник. Василий зажмурился и вдруг услышал звук приближающегося трактора, который поливал пешеходную дорогу вдоль дома. Когда он открыл глаза, там, где стояло существо, был лишь мокрый, только что политый коммунальными службами асфальт.

Василий был крепким, фактурным, с басовитым южно-русским говором, подвижным и живописным киевлянином, блиставшим в начале века на подмостках Студенческого Театра МГУ и в его окрестностях. Тогда он был абсолютной звездой, мог шутя взять любой характер, пил и веселился после каждого спектакля за десятерых, был в меру бесшабашным, никогда не позволял себе опоздать на репетицию, забыть текст, обойти вниманием кого-то, кто был равнодушен к нему, так что бабушки — билетёры и капельдинеры были от него в восторге; в общем Вася был талант, добряк и балагур. Студентом МГУ Вася никогда не был, он вообще никогда не был студентом никакого ВУЗа, как-то занесла его судьба в Москву, где он скитался и ночевал по разным знакомым в общежитиях и подрабатывал, где придётся. Когда ещё можно было войти в Главное Здание (ГЗ) Университета любому желающему, Вася брал в «Стекляшке» бутылку водки и шёл к какому-нибудь знакомому студенту, у которого потом и ночевал; а так как студенческие посиделки были всегда очень многолюдны, круг Васиных зна-

комых рос день ото дня. Так он познакомился с одним из начинающих режиссёров Студенческого театра, Татьяной, и она сразу же разглядела в Васе талант и вскоре талант его заблистал. Олег, который тогда еще не был журналистом, известным своими расследованиями широким слоям читающего населения, тоже в это время был в коллективе театра, играл не главные, но характерные роли, у них с Василием был один совместный спектакль, они сдружились и немало времени проводили вместе. Потом театр развалился, из-за дразг и конфликтов превратившись в унылое повторение тысячу раз повторенной в каждом театре истории, Татьяну уволили, в ГЗ поставили ЧОП, не допускающий внутрь никого без пропуска, Олег начал активно работать, да и все знакомые студенты повзрослели, обзавелись жёнами, детьми и рабочими местами, так что жизненные обстоятельства вымели Василия из привычной колеи и отправили его в самые скучные закоулки пьесы под названием жизнь. Он работал, скорее подрабатывал — продавцом в мебельном магазине, продавцом матрасов, продавцом на рынке, продавцом, и опять продавцом; Дедом Морозом, клоуном, медведем, опять Дедом Морозом и опять медведем и в конце концов уехал обратно на родину в Киев. Жизнь в Киеве пролетала беззаботно и незаметно, но грянул Майдан, после — майданная жесть и Василий, который чувствовал себя стопроцентно русским решил перебраться в Россию. Эпопея с переездом и документами длилась вечность и скорее всего ничем бы не закончилась, но помог Олег, который никогда не менял номер мобильного телефона, очень обрадовался звонку, пригласил в гости, сказал адрес, и помог с получением Российского паспорта, кому-то позвонив и поручившись за Василия. Несколько лет Василий скитался по российским югам, подрабатывал на винодельнях, опять начал хандрить и решил рвануть в столицу. Приехав в Москву, он ураганом понёсся было по старым своим поклонницам, но часть из них уже давно сменила адреса и страны проживания, политические и прочие убеждения, другие повыходили замуж, у третьих жизнь, у четвёртых судьба, но через неделю поисков Василий все-таки нашёл приют у одной особы, которую до этого он и знать не знал: она оказалась случайной знакомой его бывшей партнёрши по театру. Эта печальная, сердобольная и неумная Ксюша, далеко уже не молодая и тысячу раз всеми обманутая, жила с мамой в маленькой «двушке» на Герасима Курина; она выдала Василию раскладушку, произнесла дежурную фразу «И без всяких там глупостей» и помогла устроится на работу по призванию — аниматором внутри ростовой куклы Лабубу.

2

— Зову тебя, любимая — чурчхелой.

За то, что ты сама сумела,

За плотный, гибкий стан,

За то, что мы прошли, и кем с тобою стал...

За вкус и сладость поцелуя,

За то, что ночь представить не могу я,

Без форм твоих — так вождельных и упругих,

Без фитиля внутри, который ждёт огня!

Люблю! Молю, чтобы и ты меня!

— Это стихотворение я хочу Верочке на день рождения преподнести, в качестве тоста. Уже месяц голову ломаю, слова переставляю с места на место, я же, брат, не поэт. Знаешь, стихи писать — не варан начихал. Тренируюсь, в общем. Смотрю на жизнь через призму поэзии, — мечтательно и полусонно говорил Олег неожиданно появившемуся у него в гостях Василию.

Хотелось спать, но теперь он вдруг вспомнил, что несколько лет назад сам дал Василию адрес, пригласил его в гости, когда помогал ему с документами, и сколько же всего случилось с тех пор... Но откуда же Васе знать, он вот — зашёл и был уже поздний вечер и пока Верочка готовила на кухне что-то закусить, развлекал гостя стихами.

— Сильно. Лермонтов! У меня когда-то получилось только вот так, — произнёс с хрипотцой Василий:

— Послушай, старый добрый Пью,

Скажи мне, отчего я пью...

Но тут пробормотал мне старый Пью:

Нет, ты не пьёшь, вот я — так пью!

Олег добродушно рассмеялся. В разговоре повисла небольшая пауза, уже не первая, но Олег очень тонко мог чувствовать эти не очень значительные, но неловкие пропуски и размышлял о том, что делать дальше.

Тут вошла Верочка:

— Мужчины, ужинать! Прошу на кухню!

Они пошли за ней, сели за стол, выпили по рюмке.

— Извините, что поздно, работа. Я хотел сказать, что очень благодарен тебе, Олег. Если бы не ты, меня бы уже и в живых, наверное, не было.

— Ну что ты, что ты...

— Я... На самом деле я целую речь подготовил, только вот когда вышел из троллейбуса, всё сбилось, перемешалось в голове, я такое увидел...

Тут Олег выпрямился на стуле, прямо посмотрел на Василия и спросил:

— Ну, не тяни. Что ты видел?

— Как бы тебе сказать...

Спустя полчаса пол-литровая бутылка была пуста. Олег очень задумчиво дожёвывал лист салата, тёр лоб.

— Где, ты говоришь его видел? Ой-ё. Понятно. Это голуб-яван, потеряшка... Он живёт в пойме реки Раменки, где-то вдоль железной дороги, там, где раньше жили бобры и был заказник, а теперь... Теперь там бетонные джунгли. Но место это до сих пор имеет множество подземных коммуникаций и ходов, проложенных между железной дорогой, правительственным метро, бункером и дачей Сталина на Староволынской улице.

— Погоди, погоди, Олег, какой голуб-яван? Ты что же, знаешь кто это?

— На сто девяносто девять и девять — да. Только для этого надо тебе кое-что рассказать. Располагайся поудобнее. Это я привёз его сюда, ты не знаешь, конечно всего, но поверь, тогда мне казалось, что именно так и только так мне нужно сделать. Тогда я думал только о мести. Слушай, примерно год тому назад...

3

Примерно год тому назад Олег принял решение окончательно разобраться с той историей, что привела его в посёлок Комсомольский и наказать всех, кто того заслуживал. Весь полёт от Москвы до Иркутска он не сомкнул глаз; беспокойно ёрзал в кресле, часто вставал и бродил по проходу, садился и опять бродил. Кроме того, рядом с ним рассупонился в кресле бухой мужик, который каждые пятнадцать минут то предлагал Олегу с ним выпить, то пускался в пьяные бормотания о жизни и судьбе.

— Слушай, дядя, да ты бы хоть немножко вздремнул. — бесился Олег.

— Спать опасно — может дурной сон присниться. И не дай Бог — вещий... — ответил нетрезвый пассажир и его глаза тускло отсвечивали желтоватыми бельмами в темноте салона самолёта, летящего над ночной Россией.

Осенний Иркутск был неприветлив. Дожди, туманы, бесконечная нелётная погода. Но редакционное удостоверение и триста пятьдесят тысяч рублей отогрели мотор и добавили уверенности в сердце частного владельца вертолётa BELL, и преодолев нулевую видимость туманных долин, через два часа лёта Олег приземлился в Долине Духов.

Лукич встретил брата как всегда жизнеутверждающим и бодрым — обнажённым по пояс, с колуном в руке — рубил пахучие кедровые чурки.

— Вижу, что глаза горят. Вижу, что неспроста прилетел, голубь мой.

— Лукич, посоветоваться надо, — ответил Олег, — дело для меня, или лучше сказать — внутри меня уж очень ядовитое, но решимость моя твёрдая. Может, сразу к старцу пойдём?

— Нельзя к нему, плох он сейчас, еле ноги передвигает. Ослабел, хворь напала какая-то, ничего не помогает пока. Вирус, говорят какой-то. Да ты рассказывай, может что и придумаем.

— Видишь ли, Лукич... Верочка конечно ничего не знает... С ней как будто бы ничего в этой жизни не случилось. Но... но вот что случилось в ТОЙ жизни знаю я. И не могу сам себе делать вид, что ничего не знаю. С тех самых пор, как очнулся в сарае в Комсомольском посёлке — не могу так больше, хочу наказать этих добытчиков, дозволю, брат, поиграть на бубне мести.

Лукич периодически взмахивал колуном, однако слушал внимательно. В паузах он бросал зоркий взгляд куда-то вдаль, прислушивался. Сейчас он отложил колун, надел телогрейку и присел поближе к Олегу:

— Непокойно в тайге. Ходит кто-то.

Олег тоже всмотрелся вдаль по ущелью, откуда когда-то пришёл пешком сам.

— Олег, — заговорил Лукич, — мы все находимся в окружении людей в парадигме обстоятельств. Даже если идеальны мы, то нет ни идеальных людей, ни идеальных обстоятельств. И иногда хочется поправить, изменить — то ли людей, то ли обстоятельства, да вот только... Бубен мести звучит громко, а мелодия его, такая ясная сначала, может и сама себя заиграть, когда ты уже не ждёшь. Подумай сам, изменится ли что-нибудь, если ты этих гадов накажешь, как ты говоришь. Мсть — блюдо далеко не постное. Но если решил, слушай: трудно будет тебе это сделать, на прежнем месте их уже давно нет. Слышал я, они теперь все в Москве доставщиками какими-то, что-то кому-то... Трудно это, трудно.

— Как доставщиками? Да откуда ты, брат, знаешь про это?

— Думаешь, я не знал, что ты ко мне придёшь? Знал с самого первого дня. В твоём тихом омуте... Насквозь тебя вижу, без рентгена. Информация точная. Местные за долю малую приглядывали за ними. Но теперь они в Москве растворились. С одной стороны — близко, с другой стороны — как оптический обман.

— Ну что же, значит теперь мне понадобится система, как их найти.

— Что же их так много в Москве?

— Что песку в море, пропасть!

— Как у барбоски блох, в детстве говорили. Что же они делают?

— Праздным людям службу служат, чтобы праздность их множить.

— Ну, тогда мы благое дело сделаем. Не тужи. Я дам тебе охотника, Владимира. Он поможет. А сейчас — давай-ка попьем чайку и спать.

4

Рано, чуть только рассвело, словно материализовавшийся из густого тумана, Владимир уже сидел возле костра и кипятил в котелке воду; после утренней молитвы Лукич познакомил Олега с Владимиром, они выпили чёрного, крутого как сам кипятток чаю и подкрепились принесёнными охотником трофеями: свежей изюбриной печенью, присыпанной крупной солью и кровью, обжаренной на сковородке. Такой завтрак обычно заменял охотникам ещё и обед и ужин — в тайге важно многое: не обнаружить себя, сэкономить время, не тащить лишний груз. Быстро и чётко собравшись, они не теряя времени пересекли на моторной лодке большое, бриллиантовой чистоты озеро. В лодке Олег с интересом разглядел нового знакомого — Владимир оказался высоким, крепким и колючим сибиряком, с красивым мужским лицом, выкованным крепкими морозами и лютыми ветрами, выбритым до синевы, с пронзительным взглядом мутновато-голубых глаз человека бесконечного житейского опыта и смекалки.

Привязали лодку, поднялись по курумнику до относительно ровной поверхности, покрытой свежавывапавшим на ягель снегом.

— Москвич, значит? У нас сам знаешь, москвичей не очень любят.

— Ну, не то, чтобы москвич — не москвич, просто человек мира.

— Мира? Какого мира?

— Нашего. Нашего мира.

— Э, братан. Нашего мира нет. Нет ни нашего, ни вашего, есть вечная иллюзия, а вокруг тайга. А за тайгой океан — там вообще непонятно что.

— Философия. Копать — не перекопать.

— Ладно, потом потрещим, — переходя на шёпот ответил Владимир и протянул Олегу бинокль, — на вот, твой теперь основной инструмент.

Олег взял увесистый бинокль.

— Ого, я не видел таких, — он тоже перешёл на шёпот.

— Да, тут и дальномер, и тепловизор и вообще всё, что только можно придумать. Ты теперь, москвич, будешь очень внимательно работать этим биноклем, да смотри, не оброни, не расплатишься.

— Ну хорошо, я понял, а что искать-то?

— Искать ты будешь что-то очень необычное для тебя. Сероватое, желтоватое, в человеческий рост движение, одновременно фиксируемое в тепловизоре. Это твой искомый объект. Позиция твоя будет здесь, на этом склоне за камнями, отсюда вся долина как ладони, и склон напротив тоже твой. Как увидишь, так жми вот на эту кнопку, у меня есть приёмник, я пойму, что к чему. Моя позиция будет там, повыше. Не шуми, не двигайся. Голуб — явана надо бить очень осторожно. Подкрасться. Выстрелить специальным устройством с транквилизатором. А устройство это — не пуля, ни далеко, ни метко не стреляет...

— Кого? Какого голуб-явана?

Охотник досадливо цокнул языком.

— У вас их называют йети.

— В каком смысле? Йети же не существуют...

— Ха, я уже шесть штук лично поймал. Не существуют...

Олег остолбенел.

— Слушай, москвич, ты давай, отмерзай. Не сам же ты будешь доставщиков казнить, тебя за это в «Белый лебедь» по тундре направят. Лукич ввёл меня в курс, мы прикинули: лучше голуб-явана никто с этой работой не справится.

— Откуда он здесь?

— Вот ты любопытный! В конце пятидесятых годов на Памире работала экспедиция Академии Наук под руководством Станюковича. Искали они как раз голуб-явана, или снежного человека, или йети, как хочешь. Экспедиция настолько огромная, до сотни человек была, что все йети разбежались. Часть из них обосновались у нас. Климат, растительность, кормовая база.

— Интересно, я ещё сплю или уже проснулся?

— Вот ты чудака! Не спишь ты, не спишь. Слушай дальше: им тут понравилось, ну и мы потихоньку смекнули, что для особенно деликатных дел можно их использовать, с благословения, конечно. Из экспедиции поговорили кое с кем, съездили на Памир, нашли там старика, который уже лет двести или триста назад поставил юрту в особенном месте, якобы на термальном источнике, но источник там не только термальный, скажем так. Он, старец этот, смотрящим за Гиссаро — Алаем поставлен — местом очень сложным со всех точек зрения; познакомили мы его с нашим старцем, гостинчиков привезли, то да сё, старцы между собой волну нашли и суток трое воспоминаниями друг у друга слезу вышибали. Так мы через нашего старца узнали, как голуб-яванами управлять, где у них кнопка, так сказать. Дальше — дело техники.

Силой они обладают неимоверной, не то, что нечеловеческой, но даже не звериной. Мы их называем сорвиголовами, потому что для них голову человеку оторвать, что тебе спичку пополам. Хотя они даже не хищники, питаются только растительностью, падалью и любой животной пищей брезгуют. Пока так, что знал — рассказал. Встаём на номера и ведём себя тихо вплоть до начала предполагаемых событий...

— Медведь! — вдруг воскликнул Олег и от неожиданности схватил Владимира за плечо.

— Что медведь? — резко смахивая руку Олега с плеча удивлённо, но тихо и сердито ответил охотник.

Действительно, где-то в пятидесяти метрах от них, среди кедровых сосен тихо стоял и внимательно нюхал воздух в направлении людей огромный рыже-коричневый медведь.

— Да ты что, москвич, только что увидел его, что ли? Ну ты даёшь! А следы? Они же у тебя прямо под ногами? А я ещё думаю, наверное у тебя нервы крепкие, молодец, а ты! Ёклмн! Охотник, блин, — и уже медведю, громко, — эй ты, косолапый, ты давай-ка двигай отсюда, ты нам без надобности, только тихо давай. Пошёл!

Владимир слепил снежок и бросил им в медведя; медведь фыркнул, грузно плюхнулся на передние лапы и был таков, оставив за собой только пар над коричневой кучей между деревьями.

— Вот гад, ещё и погадки свои оставил! Всё, засветил нам место, надо на другое переходить. С такой сигнализацией ни один голуб-яван здесь не покажется.

Долго шли вверх-вниз, вдоль и поперёк склонов, каменных потоков, обходили небольшие прозрачные озера, пересекали заросли стланика. Стало жарко. Олег задыхался. Владимир же, перескакивал с камня на камень и будто перелетал все препятствия, был свеж, бодр, дышал ровно у в конце концов заулыбался, глядя на напарника.

— Что, москвич, это тебе не на эскалаторе гору штурмовать! Интересно, что будет, если у вас вдруг электричество отключат? У вас там вообще живые останутся? Ладно, не дрейфь, пришли уже.

Перед ними раскинулась широкая плоская каменная равнина, обрамлённая уходящим немного выше склонами. Именно здесь начинала свою жизнь где-то могучая река «Шумная», здесь — камни, мхи, мочажины и маленькие ручейки, чуть ниже становящиеся говорливыми и напористыми. Среди огромных камней, где остановились напарники, можно было стоять в полный рост и наблюдать всю долину и окружающие склоны; лучшего места не найти.

— Пришли. Теперь работаем биноклем. Разделяться смысла нет, позиция изменилась. Сидим тихо. Они очень осторожные.

5

Часа через три, когда от непрерывного смотрения в окуляры бинокля Олег уже ничего не видел, кроме плавающих радужных кругов, он закрыл глаза и прикрыв их ладонью, отвернулся и сел на камень.

— Знаешь, Олег, — неожиданно заговорил охотник, впервые назвав напарника по имени, — когда-то я тоже в городе жил. Только в Питере. Жил, жил, много разного начудил, все мои друзья-товарищи давно уже сгинули, все, кого любил — меня покинули. И стало казаться мне, что я живу уже слишком долго, через край. Стало мне страшно и тоскливо, будто я уже пережил положенное, а в небесной бухгалтерии просто не заметили, скрепкой случайно зацепило и перелистнули мой учётный листок, и жить мне теперь дальше неизвестно сколь долго, может быть и бесконечно, пока не заметят — без всякой логики.

— А ты что думаешь, есть в Божьем промысле логика?

— Иногда хотелось бы лучше понимать эту логику, что ох как не всегда доступно простому смертному.

— Гм.

— А потом я встретил Лукича, там долгая история. И нашёл он мне дело. И я в это дело поверил. Да, так вот. Когда у человека есть настоящее дело, не бывает такого, чтобы казалось, что жизнь твоя уже слишком долго тянется или в тягость; наоборот — всегда кажется, что мало, жить хочется, дело делать.

— Точно. Когда есть дело, жизнь кажется бесконечной. А когда есть какая-то цель, только сейчас подумал, всё как будто заканчивается, стоит этой цели добиться. Интересно, а что же...

— Поздно. Тихо. Вот он, — Владимир сжал плечо Олега и кивком головы показал, куда смотреть.

Олег осторожно повернулся и нацелил бинокль в направлении, показанном Владимиром. В окулярах великолепного оптического прибора от неведомого ему производителя, Олег увидел человекообразное существо, полностью покрытое серо-жёлтой шерстью, медленно и беспечно занимающееся собиранием каких-то то ли листьев, то ли ягод; когда где-то недалеко у них за спиной вскрикнула пролетающая мимо птица, существо повернулось на крик и Олег разглядел его облик — то ли очень грубо вылепленное неумелым скульптором лицо, то ли морду обезьяны. Существо проводило взглядом птицу и зевнуло.

— На человека чем-то похож, — прошептал Олег.

— Знаешь, как быстро отличить, человек перед тобой или нет? — также шёпотом ответил Владимир, — когда зевает человек, тебе хочется зевнуть следом. Когда зевает животное — нет.

Олег с любопытством продолжал наблюдать за голуб-яваном.

— Что же мы будем делать дальше? Он тут вообще один, или ещё может быть поблизости?

— Жарптицы стаями не летают.

— Это же про другое.

— Про что же?

— Про подруг, красивую и страшную.

— Ну ты, москвич, у нас филолог что ли?

— Журналист.

— Ага. Считаю, что это и есть сейчас для нас самая красивая подруга. И нам надо к ней подкатить максимально тактично, подруга эта очень капризная.

— Понял.

— План такой. Я ползу вон той низинкой. Видишь куда он гуляет? Там наши пути должны пересечься. Я как буду готов, дам тебе сигнал вот этой кнопкой, у тебя в кармане завибрирует. Ты выйдешь из укрытия и начнёшь здесь шуметь и кричать, он побежит прямо на меня, дальше дело техники, — охотник крепко сжал в руках ружьё. Олег кивнул. — Ну, с Богом!

Казалось, что Владимир ползёт бесконечно долго и солнце уже опустилось за гору напротив и стало смеркаться. Вдруг в кармане завибрировал приёмник, значит Владимир занял позицию. Сердце заколотилось. Олег выскочил из-за камней, и что есть сил начал орать: «Эй! О-о-о! А-а-а!!» и кидать камни, стараясь это делать как можно громче. Голуб-яван остановился и направил взгляд в сторону Олега. Олегу вдруг подумалось, что он не должен показаться этому легендарному и нечеловечески сильному существу какой-то существенной угрозой, как если бы он каждый раз убегал от комара вместо того, чтобы его просто прихлопнуть; эта мысль привела Олега в оцепенение. Голуб-яван распрямился, понюхал воздух и медленно пошёл в направлении Олега. «Интересный план» подумал Олег.

— Ё-П-Р-С-Т!!! — внезапно услышал он крик Владимира и увидел, что охотник стремительно бежит в сторону существа. Голуб-яван тоже его увидел и мгновенно оценив обстановку бросился наутёк. Владимир вскинул ружьё и выстрелил. Уже на излёте дротик попал-таки голуб-явану в икроножную мышцу, едва преодолев слой шерсти; скорее, оцарапал и через

несколько шагов отвалился от ноги существа. Голуб-яван стремительно убежал вниз по распадку.

— Ты чего остановился-то? — тяжело дыша прорычал на Олега Владимир, — он же сразу словил твой страх. — Эх ты, Москва-а.

Олег чувствовал себя виноватым.

— Сам не знаю. Как заколдованный вдруг стал. Даже не испугался, а просто, просто как будто бы гипноз какой-то.

— Ну я понял. Пойдём, поищем дротик.

Искать долго не пришлось, дротик довольно удачно отвалился и лежал на видном месте.

— Кровь на дротике есть, — быстро изучив находку заключил Владимир. — Значит, есть шанс, что он уснёт. Доза, конечно, недостаточная, но уснуть он может в ближайшие пятнадцать-двадцать минут. Только вот темнеет, ёпрст, надо бы нам шевелиться. Пошли.

Вниз спускался курум, включающий в себя не одну тысячу камней: серых, скользких, часто неустойчивых, приходилось выцеливать каждый шаг, каждый прыжок, чтобы не застрять здесь с повреждённой ногой в темноте и холоде, да и перекусить уже не помешало бы.

— О, а вот и он, голубчик! — радостно пропел Владимир, показывая лучом поискового фонаря на мирно сопящего голуб-явана, спрятавшегося под размытым на склоне корявым, раскидистым пнём и кучей сухих веток, сползших по уклону. — Нужно быстро надеть на него наручники, иначе он нам головы поотрывает.

— Головы?

— Ты что, Олег, забыл уже, на кого мы охотимся? Смотри, у нас и наручники тоже специальные, особенные.

Владимир достал из рюкзака две стальные пластины, толщиной миллиметров в десять, скрепляемые мощными болтами и гайками с двумя овальными прорезями для рук, или для лап, смотря с какой стороны эволюции рассматривать анатомию спящего существа.

— Всё, — облегчённо выдохнул Владимир, когда затянул все болты, намертво сковавшие руки-лапы. — Можно теперь будить.

— И что дальше?

— А, чуть не забыл, — охотник вынул из рюкзака карамельного петушка на палочке, — это надо ему дать. Единственный способ приручить его — дать ему сладкого. У них был установлен интересный физиологический нюанс, довольно активно, кстати использовавшийся в советской карательной психиатрии — инсулиновый шок. Только наши психиатры достигали его искусственным введением несчастным пациентам дозы инсулина, а у голуб-яванов это связано с атрофией поджелудочной железы. Поэтому сладкое биохимически полностью парализует их волю и делает первого, кто его угостил его единственным и вечным хозяином. Пока смерть не разлучит, что-то в этом роде. Но я ещё тот Склифосовский, поэтому только в общих чертах знаю. Короче — буди свою жар-птицу, а моя работа на этом месте закончилась.

6

Светало, когда к небольшому, из двух полешек костерку, возле которого в бессонной тихой задумчивости сидел Лукич, подошли две фигуры.

— Поймали... — довольно пробормотал старец. — Аз шиносой шадам, сорвиголова.

Голуб-яван мгновенно встрепенулся.

— У. — где-то внутри себя сказал он.

— Они что, говорить умеют?

— Нет, Олег, говорить они как раз уже не очень умеют, разучились, только эмоции умеют выражать. Некоторые, особо смышлёные понимают отдельные фразы на смеси языков тех территорий, где они тысячи лет скитались — Бадахшана, Памира. Твой сразу понял. Это хорошо. Шумо маро мефахмед?

— У.

— Он понимает нас. Мо дустон.

— У-у!

— Олег, сними с него эти кандалы. Мы друзья. Инструменты за дверью справа в ящике. Олег встал и пошёл к избушке Лукича.

— Погоди, Олег. Там над окном в банке сахар, захвати пару кусков. Сначала дашь ему.

Олег вернулся с сахаром в жестяной банке и ложкой. Зачерпнул полную ложку, дал голуб-явану.

— У-у. У-у! — довольно прогудел он.

Олег принёс плоскогубцы, накидной ключ и открутил болты. Неожиданно, совсем не боясь огня, как обычные животные, голуб-яван наклонился к костру и протянул к нему затёкшие и озябшие руки-лапы, чтобы согреть их.

— Интересно, — сказал Олег, — а кто они вообще такие?

— Ну, здесь можно только гадать. Скорее всего — тупиковая ветвь животного мира. Приматообразное млекопитающее животное. Но, понимающее кой-чего. Приручается с помощью сладкого: в их среде обитания естественного, природного сахара нет, слишком высоко они жили, там ни растений медоносных, ни пчёл не было. Здесь навык добычи мёда не приобрели, всего лет пятьдесят-семьдесят, как сюда сбежали от экспедиции Станюковича. Видимо, есть что-то особенное у них в пищеварении, особенный механизм, когда не работает поджелудочная железа, и их постоянно ломает от гипогликемии, так что реакция на сахара вызывает у них прилив особого рода прихода и физиология полностью подавляет волю. А тебе, Олег, сейчас пригодится техника, которой они обладают — убийство любого противника путём отрывания головы от туловища. Соответственно мы именуем этот вид «Сорвиголова». Чудовищное оружие. Он-то тебе и нужен.

— Надо назвать его как-нибудь, что ли.

— Но только не человеческим именем. Никогда не забывай, что это только зверь. Ну и оружие возмездия в твоих руках.

— Голубок?

— Пойдёт! Теперь скажи ему: ман Олег, он должен знать.

— Ман Олег, — Олег ткнул в себя указательным пальцем.

— У.

— Ту — Голубок, Лукич ткнул пальцем в голуб-явана.

— У.

— Ну, надо нам немного вздремнуть. Пойдём, Олег в избу, Голубок твой на улице поспит, под навесом, ему не привыкать.

— А он не сбежит?

— Теперь не сбежит. Мо ба хоб меравем. Чои шумо он чо аст, — Лукич показал Голубку его место и все отправились спать.

7

Утро началось довольно поздно. Когда Олег вышел из избушки, он был немало удивлён увиденной картиной — у костра сидели Лукич и Голубок и Лукич что-то втолковывал голуб-явану.

— О, вот и сахиб твой проснулся.

— Сахиб это кто? — вынимая голову из-под ледяного умывальника весело спросил Олег.

— Хозяин. Ты, Олег, теперь его сахиб.

На завтрак была каша быстрого приготовления с дополнительной ложкой сахара для Голубка. Чай ему не дали.

— Как сахиб данного редчайшего экземпляра животного мира, ты, Олег, должен понимать, что твой Голубок — очень серьёзное оружие, с которым тебе надо быть предельно осторожным. Он поможет тебе осуществить то справедливое возмездие, которое ты задумал, он, конечно, умрёт за тебя, при необходимости, но будет гораздо лучше для всех нас, если по исполнению его миссии ты вернёшь его обратно и будешь иногда навещать. Теперь к делу. Я тут потихоньку раскидал ему расклад, кто есть кто; объяснил, что твои враги сделали плохо и обидели тебя и за обиду эту надо их наказать. Способ наказания у Голубка твоего один, ты уже знаешь какой. Когда вы поедете в поезде, ты покажешь ему фотографии, какие есть, чтобы он понимал, за кем охотиться.

— Лукич, с фотографиями как раз не очень. Телефон тогда украли, что-то я потом нашёл, конечно, в облачном хранилище, но там в основном спины, руки, кто-то издалека, кто-то сбоку...

— Если на твоих фотографиях есть руки и отпечатки пальцев — уже хорошо. К тому же мы попросим местных братьев прислать нам образцы с запахами прямо оттуда — там все эти юрты так и стоят, думаю. Запахов, отпечатков и фотографий для Голубка будет достаточно.

— Как же мы поедem на поезде? Документы, да и вид...

— Нормально поедете. Не в первый раз. В бригаде поезда всегда есть надёжный человек, не за страх, а за совесть. Ну, может быть придётся доплатить по спецтарифу. Голубок поедет в паранже, теперь это не редкость, ты возьмёшь на себя целиком купе, так меньше вопросов. В Москве отпускать его будешь по темноте, когда мало людей. Одежду подбери, спецовку какую-нибудь серенькую, кепку, очки, маску медицинскую. Никто не поймёт, что это не человек, на Москве и людей-то перестали замечать. По окончании мероприятия — шабаш, возвращай его обратно, а то он там накуролесит.

— Спасибо, Лукич, — Олег чувствовал некий особенный тип волнения, который не испытывал никогда ранее, — всё это конечно...

— Страшно?

— Пока сам понять не могу, но определённый тремор есть.

Лукич от души засмеялся.

— Ты, главное, Голубка своего не потеряй, а то Москва место соблазнительное. Тем более для зверя.

8

— Ну, в общем, Вася, поехали мы на поезде. — продолжал свой рассказ Олег. — А ты вообще давно в нашем поезде ездил? Не на «Сапсане», не в фирменном ночном от Москвы до Питера в СВ, а с востока на запад, с юга на север по несколько суток в пассажирском, например? Четверо, пятеро суток? Я вот давно не ездил, а зря. Это абсолютный человеческий цирк. Почему-то считается, что в поезде надо постоянно бухать. Мужское поголовье едет пьяным. Через сутки становится понятно, что люди вообще не умеют пользоваться туалетами, ну, или видят туалеты впервые в жизни. В тамбурах блюют. Лезут «поговорить за жизнь». Дерутся. К середине пути примерно пятую часть пассажиров ссаживают с поезда за пьянство и драки. Работа проводника максимально опасна и чудовищно омерзительна — человеческое ублюдство пассажиров имеет какой-то гротескный характер. Один пьяный урод пытался познакомиться с моим голуб-яваном, когда я провожал его в туалет: лез под паранжу и лепетал что-то, что по его вере он бы паранжу носить запретил, цитировал «Гюльчатай, открой личико» и всё это. Но нам надо было вести себя тихо, желательно не обращать на себя внимание, особенно полиции, еле отвязались от него. Так он потом ещё в купе к нам ломился. За эти четверо суток мне даже перед голуб-яваном стало стыдно, какие животные вокруг нас в поезде едут, насмотрелись и наслушались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.